

рассказы о самом важном

Читайте в серии:

**ЛЮБОВЬ,
или Пускай смеются дети**

**ЛЮБОВЬ,
или Моя семья**

**ЛЮБОВЬ,
или Связь поколений**

**ЛЮБОВЬ,
или Мой дом**

**ЛЮБОВЬ,
или Не такие, как все**

АЛЕКСАНДР СНЕГИРЁВ
АРИАДНА БОРИСОВА
АНДРЕЙ ГЕЛАСИМОВ
РОМАН СЕНЧИН
ЮРИЙ БУЙДА

и другие

ЛЮБОВЬ,

или Не такие,
как все

сборник рассказов

Москва
2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л93

Оформление серии *П. Петрова*

Л93 **Любовь**, или Не такие, как все : сборник рассказов. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Рассказы о самом важном).

ISBN 978-5-699-87529-0

Чудаки, блаженные, не от мира сего — как только не называют людей, отличающихся ото всех. Среди них есть одержимые манией и фактически святые, безумцы и великие философы. Не замечать их попросту невозможно. Талантливый художник-аутист из рассказа Романа Сенчина, крылатая девочка Юрия Буйды или фотограф-маргинал из повести Алексея Лукьянова — все они чудаки, но мы-то знаем, что слово «чудак» происходит от слова «чудо». Мир без таких людей стал бы более тусклым и серым.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87529-0

© Борисова А., Лукьянов А., Буйда Ю.,
Сенчин Р., Снегирёв А., Ройтбурд Л.,
Геласимов А., Муравьева И., Маркиш Д.,
Курочкин М., Нестерина Е., Новиков Е.,
Мелихов А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Предисловие

Чудаки — люди разные и по-разному непохожие на других. Чудаки и такое понятие, как выгода, — две вещи несовместные. Ну какому здравомыслящему человеку придет в голову, например, тратить время на сочинение стихов? Только чудакам. Они придумывают, изобретают, пытаются украсить мир или сделать его добрее в то время, когда остальные зарабатывают деньги. Иначе чудакам просто неинтересно жить. Не зря же они «произошли» от слова «чудо».

Мой дед называл их «детьми перевернутой недели». Он и сам был чудаком в некотором роде. Мог рассказать сказку вместо того, чтобы ответить на детский вопрос. Да вот хотя бы о том, как появились на свете чудаки...

Однажды Солнце взошло не на востоке, а на западе, и неделя повернулась вспять. Она наступила с воскресенья, и все перемешалось. Люди повели себя, как в понедельник: работали не покладая рук. В субботу тоже трудились. Пятницу сочли серединой рабочих дней. Лишь четверг прошел без изменений: шутили о дождинке и готовили рыбные блюда. В среду, полагая ее пятницей, народ разъехался вечером по дачам. Во вторник, как в субботу, загорал на речках и жарил шашлыки. Отдохнул в понедельник, собираясь завтра с новыми силами выйти на работу. Самое странное, что все дети, которые родились в эту неделю, были беспокойными, а все вылупившиеся вороньи птенцы оказались покрытыми белым пухом.

Наступила полночь, и Понедельник положил песочные часы набок, чтобы время остановилось.

— Пора положить конец этой неразберихе, — сказал он. — Сегодня я плясал и резвился, как легкомысленная девчонка!

— А я с ужасом жду завтрашнего дня, — заплакало Воскресенье. — Еще с того дежурства ноют мои непривыкшие к работе руки...

Послышались возмущенные голоса:

— И я намучилась!

— А я-то!

Только Четверг молчал. Все устали, поэтому именно ему было поручено повернуть стрелки лучей Солнца слева направо.

Четверг прихватил с собой песочные часы, и тонкая песчаная тропинка привела его вверх к громадной скале. За нею спало Солнце. Четверг бесстрашно подошел к огнедышащему боку, вырвал маленький лучик и пощекотал им в огромной ноздре. Солнце оглушительно чихнуло и проснулось.

— Эй, кто тут шалит?! — захохотало оно.

— Здравствуйте, уважаемое! Простите, пожалуйста, это я вас разбудил, — высунулся из-за скалы Четверг и объяснил, в чем дело.

Солнце сконфузилось и жарко покраснелось.

— Больше такой путаницы не повторится, — пообещало оно. — На восходе я поверну стрелки лучей с востока на запад. Приношу тысячу извинений Понедельнику — из-за меня ему придется отдежурить еще один день.

— Не расстраивайтесь, ведь не ошибаются только те, кто спит вечным сном, — утешил Солнце Четверг.

Песчинка за песчинкой, секунда за секундой втекло время в песочные часы. Все пошло правильно, и люди забыли бы о великой путанице, если б в стаях черных ворон нет-нет да не стали попадаться белые. А дети перевернутой недели...

Людам от них сплошное беспокойство. Они не умеют отдыхать, в их неделе все семь дней — рабочие, и всегда недостает свободного времени. Эти «перевернутые» в постоянном поиске. Никто не знает, чего они ищут, но явно не кошелек на дороге. Есть подозрение, что порой они и сами не знают, чего. Странные... Прямо как белые вороны. Чудаки, одним словом.

Рассказы о таких уникамах — иногда нелепых, смешных, не от мира сего, «с приветом» и «заскоками», непонятных и непонятых, но по-своему удивительных — собраны в этой книге.

Ариадна Борисова

АЛЕКСЕЙ
ЛУКЬЯНОВ

МИЛЕНЬКИЙ

Пролог

«Газик» со снятыми бортами медленно (хотя и не так, как того требуют приличия и протокол траурного шествия) ехал по направлению к кладбищу. Кроме открытого гроба, обшитого кумачом, и наспех сколоченного соснового креста, в кузове никого не было.

Ни вечно пьяной, но с профессионально скорбным выражением на лицах похоронной команды; ни духового оркестра, вразнобой играющего третью часть шопеновской сонаты для фортепиано номер два, оратория тридцать пять, более известную как Траурный марш; ни моря цветов и жестяных венков с пластмассовыми цветами, выцветшими на солнце и перевязанными черными лентами с надписями «От жены и детей», «От сослуживцев», «От парткома и месткома». Не было и провожающих, тех самых жены и детей, сослуживцев, парткома и месткома, соседей, знакомых и просто случайных зевак, решивших проветриться в этот жаркий июньский полдень, а потом на халяву попасть на поминки, чтобы поесть рисовую кашу с изюмом, щи из квашеной капусты, пюре с котлетой, выпить рюмку-другую водки, запить компотом и положить в авоську холодный расстегай, чтобы доесть дома. Задайся случайный прохожий вопросом, кто же представил гроб, крест и машину, он мог бы сразу и не найти ответ, и пришлось бы ему обращаться к раздраженному водителю.

Водитель, между прочим, тоже недоумевал: зачем везти гроб в машине со снятыми бортами, если некому даже присмотреть за тем, чтобы не вывалились на дорогу гроб

и крышка, а также крест с косо прибитой на сапожные гвоздики фанерной табличкой, на которой кто-то торопливо шариковой ручкой нацарапал: «МИЛЕНЬКИЙ Святослав Аполлинариевич, 8 марта 1940 — 24 июня 1980»? Почему нельзя быстро-быстро доставить заколоченный гроб из морга на кладбище в машине с поднятыми бортами? Это ж Миленький! Кому в здравом уме и доброй памяти может прийти в голову хоронить Миленького вот так, это ж смех на палочке — ни провожающих, ни сочувствующих.

На перекрестке «газик» замер у светофора. Вот тут-то кто-то из случайных прохожих и разглядел лицо покойного.

— Твою мать, неужто Миленького повезли?! — изумился прохожий вслух.

И хотя обращался он к самому себе, возглас его был услышан. Пешеходы, наплевав на зеленый, столпились у кузова.

— Еперный тиатыр, и правда — Миленький! — подхватил один.

— Миленький помер! — крикнул другой.

— Э, старик, у тебя в кузове что — Миленький? — спросил у шофера, бесцеремонно распахнув кабину, молодой человек в солнцезащитных очках на пол-лица.

— Ну, — нетерпеливо кивнул водитель. — Дверь закрой, уже желтый.

Но молодой человек не закрыл дверь и — даже напротив — обернулся к публике и объявил хорошо поставленным на комсомольских, очевидно, собраниях голосом:

— Товарищи, я все уточнил. Действительно, Миленького хоронят!

Шофер пару раз сердито утопил педаль акселератора — мол, не задерживайте движения, граждане, расходитесь, дайте дорогу. Превращение своей машины в катафалк шофер переживал очень остро и хотел как можно быстрее покончить с неприятной обязанностью. Что поделать, шофер тоже был молод, порывист, и ехать на

первой передаче ему казалось унизительно. Особенно когда в кузове лежит такое тело.

Но не тут-то было. Молодой человек, обернувшись к водителю, сказал:

— Старик, не гони. Прояви уважение к покойному.

Водитель наклонился к блюстителю морали ближе и рекомендовал идти на хутор бабочек ловить, после чего резко захлопнул дверь, снял автомобиль с ручного тормоза, выдал сцепление и включил вторую передачу с твердым намерением ехать так быстро, как только позволит техника. Но прежде чем тронуться, он посмотрел в зеркало заднего обзора. И присвистнул, потому что за «газиком» выстроилась траурная процессия. Закончить по-быстрому не получалось.

Процессия выглядела слишком нарядной. Единственным ахроматическим пятном в толпе был одетый по форме и страдающий от жары совсем юный сержант милиции. Оказался он здесь случайно: остановился у бочки с квасом утолить жажду, а тут вдруг столпотворение рядом с проезжей частью. Не зная, как реагировать в такой ситуации, он потянулся было к свистку, но тут выяснилось, что это похороны, и неорганизованная людская масса тотчас выстроилась в узкую очередь за «газиком». Решив, что представителю власти не мешает проследить за порядком и далее, сержант влился в процессию и сейчас сосредоточенно думал о том, что написать в объяснительной начальству. Остальной же народ, одетый легко и пестро, шел за грузовиком как бы даже и без намека на скорбь. Тут и там слышались веселые возгласы и смех: процессия вполголоса обсуждала покойного.

— Надо же, а я думал — он старый совсем, — говорил своим спутницам — двум юным девам едва ли восемнадцати лет — тот самый молодой человек, что минуту назад уточнял у шофера имя покойного. — А он, оказывается, молоде моей бабки — ему ж только-только сорок стукнуло!

— Ты бы с его попил — такой же старый сделался бы, — тихо, чтобы не услышал покойный — ведь они шли за гро-

бом самые первые! — сказала блондинка в красивом голубом платье. — У него самогонный аппарат был, знаете?

— Ну и что? — пожалала загорелыми в крапинку плечами рыженькая спутница молодого человека, одетая в сарафанчик, напоминавший летний луг — оранжево-желто-красно-зеленый. — Че ты такая наивная, Элка? Чуть ли не в каждом доме такой аппарат имеется, даже у нас, даже у начальника милиции. Не про то ты говоришь.

Элка покраснела.

— Марин, давай не будем? — заступился за Эллу молодой человек.

— А чего — не будем? — возмутилась Марина. — Можно подумать, я напросилась за этим козлом старым идти.

— Нельзя так о мертвых, — попытался он урезонить подругу.

— Вот еще! А если он заслужил? Всю жизнь жил, как свинья, а ему тут уважение выказывай. Тебе-то хорошо, он за тобой не подглядывал, когда ты в баню ходил.

— Марина... — Молодой человек опасливо обернулся назад. Многие члены процессии внимательно слушали пламенное выступление рыженькой Марины.

— Че Марина, че Марина-то? — еще громче возмутилась она и тоже обернулась. — Бабы, ну скажите — козел был этот Миленький?!

Баб — и молодых, и постарше, и совсем пожилых — в толпе было достаточно, и даже гораздо больше, чем мужчин. Каждая из них имела зуб на усопшего, и Марина вправе была услышать дружное подтверждение своих слов. Однако секунду назад шумная и — чего греха таить — радостная процессия вдруг замолчала. Слышно было лишь шарканье подошв и стук каблучков об асфальт.

Возможно, кого-нибудь другого — ту же Элку — всеобщее молчание смутило бы, но Марина была явно не из таковских.

— Ах вот, значит, как! — крикнула она. — То есть вам всем нравилось, что он за вами в бане подсекал, на огороде, в раздевалках? Может, вы ему и специально все де-

монстрировали? Ну ладно тогда! Тогда надо уважить покойного, дать ему то, чего он при жизни недополучил.

С этими словами Марина стянула через голову сарафан и дальше шла уже в купальнике-бикини, предусмотрительно надетом для похода на речку.

— Эй-эй, гражданочка, полегче, прекратить заголяться на похоронах! — прикрикнул сержантик и стал пробираться сквозь толпу к возмутительнице общественного порядка. — Немедленно оденьтесь, не то я вас в отделение! Как можно — на похоронах!..

Но, странное дело, аморально поступившую Маринку молчаливая толпа, только что не поддержавшая злословия, осуждать тоже не торопилась. И даже какая-то молодая женщина — лет тридцати или около того, взяла да и расстегнула блузку, явив миру несоветского производства кружевной лифчик.

Примеру женщины последовала другая, третья, и вскоре почти все плакальщицы разоблачились до нижнего белья, большей частью отечественного производства. Однако мужчин это не смущало, поскольку они думали в основном не о форме, а о содержании.

Народ, наблюдавший странные похороны со стороны, словно магнитом притягивался к медленно шествующей процессии и тоже вливался. Женщины, оказавшись среди провожающих, немедля начинали стягивать с себя верхнюю одежду.

— Элка! Элка! А ты че, особенная? — громким шепотом обратилась Марина к подружке. — Снимай платье!

— Дура, что ли? — испугалась Элка. — Я лифчик не надеда.

— И что? Значит, можно выделяться, да? Ну хочешь, я тоже лифчик сниму!

— Ты дура, что ли? Мы же комсомолки!

— Раздевайся, говорю! — И Маринка решительным движением расстегнула на Элкиной спине молнию.

Элка сначала отчаянно сопротивлялась, но решительная Маринка подавила протест и стащила с подруги платье. Элка прикрыла грудь руками.

— Не прячь красоту-то! — рявкнула Маринка и сама сняла лифчик. — Похороны — так похороны!

Подумав еще немного, Маринка избавилась и от трусов. На какое-то мгновение сердца мужчин, увидевших это, перестали биться, а потом заколотились в бешеном ритме. Сержантик, порывавшийся остановить глумление над памятью об усопшем, увидав Маринку со спины, потерял волю и теперь пытался не упустить ни одного движения девушки.

Элка, деморализованная поступком подруги, безвольно опустила руки, продемонстрировав размякшему молодому человеку, снявшему очки для лучшего обзора, мраморную белизну своих персей, увенчанных нежно-розовыми пиками сосцов. У Маринки, к слову, перси были такими же загорелыми, как и она сама, и даже под купальными трусиками не было незагорелой кожи.

— Рот закрой, трусы видно, — сказала Маринка какому-то зеваке, и продолжила независимо идти за машиной.

Элка сначала стеснялась, а потом тоже сняла трусики и далее шла бок о бок с подругой. Они даже за руки взялись, поддерживая друг друга.

Вдруг машина остановилась. Из кабины выскочил бледный не то от страха, не то от гнева водитель.

— Да вы что тут за блядство-то развели, граждане товарищи?! — заорал он, и голос его от волнения дал петуха. — Это ж похороны, мать вашу! Мы ж не в Америке, в советском же государстве живем!..

Ответом водителю было почти одновременное сбрасывание женщинами одежды. Мужчины буквально застонали.

— Я никуда не поеду, пока...

Но шофера никто не слушал. Совершенно голые Маринка с Элкой вспрыгнули в кузов и с помощью своего молодого человека сдвинули гроб к краю машины. Тело

Миленького подхватили другие обнаженные женщины и понесли дальше на руках. Мужики взяли крышку и крест, а также брошенные женщинами прямо на асфальт одежду, белье и сумки. Маринка с Элкой грациозно спорхнули обратно в толпу, и далее процессия, возглавляемая молодыми красивыми девушками, следовала уже сама по себе, без машины, втягивая в себя все больше и больше народу.

Покойный лежал в гробу с блаженной улыбкой на устах. Похороны удались.

29 апреля 1980 года

1

Проводник уныло звенел ложечкой в стакане.

— Говорил я тебе, что на электричке надежнее, — попенял он Таське, безо всякой, впрочем, злости. — Там проще от проверки загаситься.

— Вы же говорили, что проскочим! — с неуместным в ее положении сарказмом заметила Таська.

— Да кто ж знал? Только позавчера проверка была, ду-мал, нынче спокойно будет. Видать, стукнул кто-то, что ты без билета едешь. Верка, наверное, из десятого. Ну, баба... Когда просечь успела?

На часах в купе проводника было без пятнадцати шесть утра. Час назад в их вагон внезапно нагрянула проверка, причем не просто так, а конкретно к Таське, которая ехала на свободной полке без билета. Проверяющих было двое: начальник поезда и линейный милиционер, лица у обоих злые и невыспавшиеся. Таська сразу поняла — приехали. Теперь протокол, снимут с поезда, позвонят домой, Хомяк опять расстроится... А ведь почти уже добралась, всего-то десять часов оставалось до вожделе-ного Ленинграда.

К чести проверяющих, орать на весь вагон, будить пассажиров они не стали. Велели сидеть в купе проводника и ждать своей участи, а сами ушли связываться с ближайшей станцией.